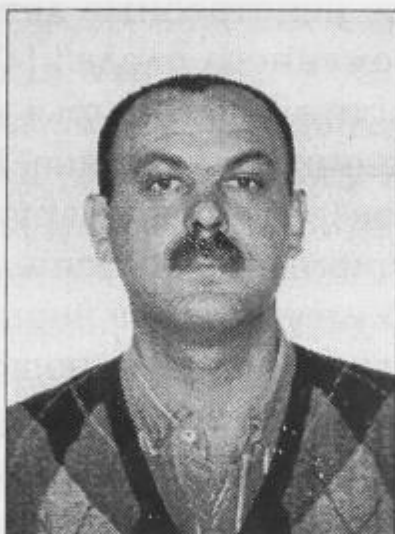

38. ТОЦДНИ. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 14. Л. 94-95.
 39. ТОЦДНИ. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 9. Л. 308.
 40. ТОЦДНИ. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 13. Л. 151-152.
 41. Калымов И. П. На стыке двух культур. Воспоминания //Югра. 1994. № 1. С. 46-47.

**СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ
 ТУРОВ** —
 старший преподаватель кафедры
 отечественной истории

УДК 957 (571.12)

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРОМЫСЛЫ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII—I ПОЛ. XIX ВВ.: КРУГ ОБЪЕКТОВ И ОБЪЕМЫ СБОРОВ

АННОТАЦИЯ. На базе широкого круга опубликованных и архивных материалов сделана попытка выявить объекты и уточнить объемы собирательных промыслов русского крестьянства Западной Сибири в XVIII—I пол. XIX века. Уделяется внимание предпочтениям и специфике собирательства в отдельных регионах края.

Basing on large amount of had been already published and archive (materials) it is attempted to discover a range of objects and specify volumes of gathering (crafts) of Russian peasantry in the Western Siberia in the eighteenth — the first half of the nineteenth century.

The attention is concentrated on preferences and specific features of gathering crafts in certain districts of the region.

В новейшей историографии аграрной истории Сибири в числе актуальных исследовательских задач находится изучение опыта природопользования русского крестьянства [1]. В этой связи представляется важным проследить объекты, специфику и объемы собирательных промыслов.

В означенный период среди объектов собирательных промыслов главное место занимали растения. Даже в самых северных безлесных местах крестьяне собирали корни и ягоды. Правда, судя по рассказам кондинских старожилов (экспедиции автора 1992 — 1994 гг.), лечебных трав северяне практически не заготавливали. Все растения, так или иначе вовлекавшиеся в оборот и шедшие на различные нужды, сложно определить даже приблизительно. Так, в татищевской анкете (XVIII в.) перечисляется 17 видов только лесных ягод, сбором которых занимались крестьяне Томского уезда [2]. В народной медицине Западной Сибири в XIX в. различалось не менее 120-150 видов лекарственных растений [3].

Дикорастущие находили самое разнообразное применение. П. С. Паллас, например, описал чрезвычайно экстравагантное применение травы "ветреницы" или "стародупки": "Она мужикам очень известна, ибо молодые парни при рекрутском наборе, для избежания солдатства, истерши ее в порошок, прикладывают на тело, потому что она нарываяет и от того на разных местах по телу высыпают вереды, почему при осмотре яко неспособные к службе и бывают отставляемы ... Сказывают, что также непотребные девки употребляют оный корень для истребления преждевременного плода" [4].

Изумляет тонкая дифференциация во время сбора растительного сырья для нужд народной медицины. Так, из подсоченной листовицы крестьяне Тобольской губернии в XVIII в. получали "серу трех сортов": "первая, снаружи бывает сухая беловатая. Простой народ употребляет от цинготной болезни..., а в жаркие дни от жажды помогает (то же от цинготной болезни, варив шишки для питья и семя из оных, которые наподобие льняного, терши в порошок, употребляют). Второй сорт гораздо чище и красноватее, сходен совершенно с камедью, и вместо оной с пользою употребляется, а особливо, простой народ, распустя в воде, пьют от жестоких поносов. Третий сорт — стекающая по закорке и скапливающаяся около корня или в расщелинах оных дерев, — совершенный терпентин, который также употребляется ... к перевязке ран и к составлению живучих пластырей; сверх того, на оном дереве растут изобильно губы и собираются ... для слабительного лекарства" [5].

Круг объектов собирательных промыслов не был чем-то застывшим. В народной медицине, например, шел постоянный поиск новых лекарственных средств, включая растения. Этот живой процесс в начале нынешнего столетия еще застал П. А. Городцов. Описывая способы лечения сибирской язвы в народной медицине, он отметил, что наиболее авторитетные крестьяне — знахари, пользовавшие от этой болезни скот в Туринском и Тюменском уездах, применяли различные наборы лечебных снадобий, включая травы. Мало того, во время очередной встречи, в 1916 г., один из этих знахарей Т. Н. Межецкий сообщил исследователю, что пересмотрел способ лечения, практиковавшийся им ранее. Естественно, неизменной оставалась магическая часть лечебных процедур: заговоры, молитвы, таинственные манипуляции; но зато ряд лекарственных снадобий, в том числе растительного происхождения, был исключен, а их место заняли другие: "Когда Межецкий сообщил об изменении способов и приемов лечения сибирской язвы, то само собой напрашивалось предположение, что это изменение народных воззрений произошло под влиянием и при участии представителей научной медицины ... но Межецкий упорно отрицал это влияние ... и настоятельно заявлял, что, как он сам, так и другие знахари и вообще крестьяне-домохозяева его селения и окрестных мест дошли до этого своим умом и своим опытом..." [6]. Межецкому вполне можно доверять. Предубеждение крестьян в отношении официальной сибирской медицины и ветеринарии, а также слабая профессиональная подготовка, а зачастую и недобросовестность медиков были фактами общеизвестными даже в конце XIX — начале XX вв., не говоря уже о более раннем времени [7].

Крестьяне знали травы, которые могли вызвать отравление. Врач Надеждинский писал в начале 60-х гг. XIX в., что один ялutorовский "колдун", желая поддержать свою "репутацию", намеренно загнал деревенское стадо в заросли омег и черемицы. В результате "весь рогатый скот возвратился с пастбища шалевший и целую ночь стонал с пеной у рта" [8].

Специфика собирательных промыслов отдельных районов края проявлялась в том, что объектами собирательства становились растения, харак-

терные только для местной флоры. Особенно примечателен в этом отношении был Алтай. В Барнаульском уезде местные жители занимались сбором дикого персика: "... употребляется с ядрами для двоения водки, а особливо ядро вместо горького миндаля в разные кушанья". Здесь же на Алтае "по горным и каменистым местам, а более к Колыванску, на Синея сопке", рос "дикий барбарис (сибирский)". Он употреблялся местными жителями "в пищу для варения ягодников — оба сих плода... (имеется в виду дикий персик и барбарис — С. Т.)" [9]. На Верхнем Иртыше, в предгорьях Алтая, в больших количествах собирались растения-красители: марена, зеленуха, серпуха [10]. Случалось так, что в зону хозяйственных интересов крестьянства попадали растения-реликты с чрезвычайно узким ареалом. Так, на Колыванском озере (Горный Алтай) местные жители собирали "болотный орешек", который произрастал на дне только этого озера: "... привязывают для этого на конец длинного шеста кусок какой-нибудь материи и проводят по дну озера. Болотные орешки, снабженные шипами, зацепляют последними за кусок, и таким образом, вытаскивают их наверх" [11].

Были свои отличия в крестьянском собирательстве и в зоне западно-сибирского лесостепья. Здесь в изобилии произрастала дикая вишня, которая издавна служила объектом промысла, в особенности в Зауралье [12]. Так, в начале XIX в. в Ишимском уезде дикую вишню собирали на так называемых "вишневых островах": Больше-Кушлутский остров находился в Казанской волости, в пяти верстах от д. Шамшуриной; Мало-Кушлутский — в той же волости, в четырех верстах от д. Малокушлутской; Быки — в Частоозерской волости [13]. Существовали также районы предпочтительного сбора того или иного растения, характерного для флоры большинства местностей региона. Так, сбором хмеля крестьяне занимались практически повсеместно в подтаежной и лесостепной зонах. Однако, по замечаниям современников, на Алтае, например, хмель "в особом изобилии" произрастал на Верхнем Иртыше по "забокам", в окрестностях Бухтарминской крепости. Здесь его собирали линейные казаки [14]. Предпочтительными районами по сбору хмеля были также верховья Тобола с притоками. Много хмеля собирали по Ишиму, Вагаю, по Иртышу в районе Тары, в низовьях Томи [15].

В Западной Сибири славилась нарымская сушеная малина за свои "вкус и крепость" [16]. По сей день высоко ценится крупная и сладкая кондинская клюква. Кедровый промысел был развит по всей территории подтаежной и таежной полосы региона. Однако И. Завалишин особо выделил в этом отношении Нарымский округ и верховья Томи [17]. Между прочим, Западная Сибирь всегда опережала другие регионы Сибири по объемам сбора и товарности кедрового промысла [18]. На севере Западной Сибири кедровый промысел был наиболее развит в Сургутском и Кондинском районах [19]. Эти предпочтения в промыслах, связанные с изобилием того или иного растения, произраставшего в данной местности, возможно проследить даже на уровне конкретного поселения. Вот, например, набор ягод, собиравшихся в начале 50-х гг. XIX в. в окрестностях с. Кулоковского Томской губернии: рябина, смородина, "морожка изредка", "голубика во множестве" [20]. Выбор для преимущественного сбора тех или иных растений иногда может показаться просто лишенным рациональной мотивировки. Так, А. А. Кауфман сообщает, что в селениях северной половины Спасской волости Томского округа крестьяне собирали преимущественно только грузди и рыжики, тогда как в остальной части волости — грузди, "белянки", иногда боровики (белые). Причем, все означенные выше грибы одинаково хорошо произрастали на территории всей волости [21]. С этим явлением нам также приходи-

лось сталкиваться во время полевых исследований, когда в двух, рядом расположенных селениях собирается различный ассортимент дикоросов. Рациональное объяснение этому, на наш взгляд, может быть только одно. В экологии популяций известен феномен, получивший наименование "принцип основателя", когда при утверждении популяции какого-либо биоценоза на новой территории раз и навсегда определяется пищевая ниша. Этот набор пищи чрезвычайно консервативен и устойчив, он трудно поддается изменениям. Так, в Верхотурском районе Свердловской области, судя по сообщениям престарелых крестьян, еще в начале XX в. жители некоторых деревень не собирали морошку. Такое же положение было с жимолостью. Причем, в тех населенных пунктах, где жимолость собирали, она называлась уменьшительно-ласкательно — "барашки", а в тех местах, где ее игнорировали — "бараньи м...".

Если среди объектов собирательства ведущую роль играли растения, то среди последних главное место занимали пищевые. По оценкам специалистов в Сибири произрастает 267 видов пищевых растений, большая часть их есть на территории Западной Сибири [22]. Особенно был развит сбор хмеля и кедрового ореха. Здесь уже в начале XVIII в. сложился высокий товарный выход. Так, в 1703 г. в Тобольске хмель "своего промысла" продавали тобольские подгородные, ялutorовские, белослудские, царевогородищенские, киргинские, тарские, устьсуерские крестьяне. Уже в 90-х гг. XVII в. среди сибирских крестьян появились скупщики хмеля [23]. Г. Колмогоров отмечал в 1856 г. высокую степень товарности кедрового промысла: "По собранным мною сведениям лично, частично проверенным на местах добычи и продажи орехов, оказывается, что все округа Западной Сибири производят орехов и частично масло из них, продаваемых годами в Ирбите и на других ярмарках" [24]. Товарность, а значит и высокая интенсивность, была присуща не только хмелевому и кедровому промыслам. П. С. Паллас писал, что алтайские крестьяне возили на продажу на Змеиногорский рудник подводами дикий чеснок (черемшу, колбу) и "... некоторый род луку, на высоких горах растущего" [25]. Колба (черемша) вообще занимала видное место в рационе сибиряков, в весенний период заменяя ранние овощи. И. Мевес, в начале 60-х гг. XIX в. посетивший Сибирь, утверждал, что в Барабе он не видел огородов, а овощи заменяла исключительно колба. Он дал и любопытную характеристику этому растению: "Она, что-то среднее между луком и чесноком; стебель ее подобен тростнику, выступает на низких местах. Растение это предохраняет жителей от скорбута, который, по причине дикости края, часто свирепствует в тайгах. Колба имеет такой ядовитый запах, что отведавший ее не может и в три дня от него отделаться" [26]. Из других диких растений в Западной Сибири часто употреблялись в пищу: лук-бодун, сарана, кипрей. Их повсеместно собирали и заготавливали местные жители. Травы и съедобные корни настолько вошли в рацион сибиряков, что их везде приравнивали к овощам, в особенности большое значение они приобрели в суровых условиях северной полосы региона [27]. Сбор растений, употреблявшихся в пищу, особенно активизировался во время неурожая, когда возникала реальная угроза голода. На Алтае, например, в этом случае хорошим подспорьем населению служила дикая гречиха (карлык). Употребление в пищу карлыка было заимствовано от аборигенного населения — алтайцев. Кроме того, при необходимости добавляли в муку другие суррогаты, употреблявшиеся русскими повсюду: рыжик (дикий лен), сухую толченую лебеду [28]. Верхотурские крестьяне до сих пор вспоминают, что в голод 1921 г. приходилось есть "борщ", "горлянку", липовый лист и клевер.

На юге Тюменской области в годы Гражданской и Великой Отечественной войн употребляли в пищу особый сорт глины. В 30-х гг. XIX в. о сибирских "съедобных" минералах писал путешественник Ж. Б. Эйрие: "На берегах рек собирается землисто-жирное вещество, называемое каменным маслом и употребляемое русскими и тунгусами в пищу; но это, говорят, очень вредно и порождает каменную болезнь. Каменное масло течет из сланцевых утесов в разных краях Сибири: на Урале, в Енисейских горах и в отрогах Станового хребта, идущих по Алдану и Мае. Оно цвета желтоватого как сливки, и на вкус довольно приятно; в сухое время отвердевает на вольном воздухе, в сырое — распускается в жидкость. Его легко узнать по сильному запаху" [29].

Что касается попыток оценки объемов собирательства, то их для нашего периода имеется не так уж много. Так, Г. Потанин во время своего пребывания в 1856 г. в западной части Алтая ездил с жителями станции Тулаты в "Алтайскую чернь" за кедровыми орехами. По его свидетельству, некоторые крестьяне набивали здесь за сезон (август—сентябрь) до ста пудов орехов. Орехи вывозили из тайги целыми караванами подвод [30]. По свидетельству Т. Успенского, относящемуся к концу 50-х гг. XIX в., в Шадринском уезде одна сельская община, иной раз, выставляла до двухсот длинных телег-хмелевок для сбора хмеля на отдельном участке. За 5—6 час. урочище очищалось от хмеля [31]. В середине XIX в. в урожайный год в Шадринском же уезде собирали так много дикой вишни, что возами отправляли ее в Екатеринбург и на близлежащие заводы [32]. На уже упоминавшихся "вишневых островах" Ишимского уезда в начале XIX в. в урожайный год "близживущие обыватели" собирали до 400 ведер дикой вишни: "... и употребляют оныя на довольствие государственным крестьян, а оные за избытком продают на месте не дороже 20 коп. ведро" [33]. Если мы обратимся к более поздним материалам для определения объемов собирательства, то обнаружим, что на этот предмет было обращено самое пристальное внимание и по нему существует обширная литература, в особенности это касается кедрового промысла. Однако предпочтительнее материалы, собранные чиновниками Министерства государственных имуществ, которые подкупают своей обстоятельностью. Так, в конце XIX в. в Тобольском округе двое промышленников набирали за сезон в урманах на Конде и Тартасе 120-250 мешков шишек. Из одного мешка выходило около одного пуда чистого ореха. Весной, по стаявшему снегу, один промышленник был в состоянии подобрать такое же количество шишек. Здесь имеется в виду отличный урожай шишки, когда есть "валежная шишка", т. е. осыпавшаяся самостоятельно, без участия человека. Подобные урожаи бывали не так уж часто — раз в 4-5 лет. До ста и более пудов на одного сборщика набирали в Томском полесье [34]. В менее урожайные годы добыча везде падала вдвое. В неурожайные шишку вовсе не собирали: "Пойдет кто в тайгу, наберет пуд-другой, да и скажет, что не стоит, — никто больше не идет" [35].

В Томском и Мариинском округах, в пойме Томи, одна крестьянка могла набрать в день от одного до двух ведер смородины. Помимо смородины, здесь собирали еще чернику, бруснику, малину, землянику. Черники один сборщик мог собрать не более ведра в день, а брусники 2-3 ведра. При хорошем урожае набирали в день по одному с половиной, 2 ведра малины на сборщика. Сбор малины, например, длился до двух недель, за это время при хорошем урожае набирали до 20-30 ведер на человека. При хорошем урожае могли быть очень значительны сборы грибов: 2 человека в день набирали полную телегу [36].

На севере Западной Сибири у русских крестьян существовал в качестве доходного промысла сбор мамонтовой кости (бивней). По свидетельству В. Н. Татищева, в XVIII в. кости мамонта "обретались в изобилии" не только в "странах северных": "... в провинциях ... Обдории, Удории, Кондории и Угории", но и часто обнаруживались близ гг. Тобольска, Тюмени, Томска [37]. Очевидно, в старину в Западной Сибири останки мамонта, в том числе бивни, "обретались" значительно чаще, поскольку, иной раз, лежали буквально на поверхности земли. В конце XVII в. С. У. Ремезов сообщал Страленбергу, как он нашел в Барабинском лесостепье, близ озера Чаны, целый скелет мамонта длиной в 36 локтей. Скелет лежал на поверхности, на боку, и ребра правой стороны так высоко вздымались над левыми, что С. У. Ремезов, стоя в остове и имея в руках длинную секиру, не мог достать верхней части остова [38]. Чаще всего бивни обнаруживались по берегам Нижней Оби и ее притоков: "Здесь (близ г. Сургуты — С. Т.) в берегах реки часто находят мамонтовые клыки... Обыкновенно их находят на речных берегах, после больших водополий. Во многих городах, между Тобольска и Енисейска, ... видел я множество сих мамонтовых костей... Иные из них попадаются совсем целыя и свежия... Тамошняя обыватели делают из них табакерки, гребни, и другия разныя точеныя вещи", — писал в начале XVIII в. Бель [39]. Из Западной Сибири, по свидетельству В. Н. Татищева, в XVIII в. мамонтовая кость вывозилась в европейскую часть страны и в Китай [40]. Еще в начале XIX в. на всем севере Сибири добывали в среднем около 2000 пудов мамонтовой кости в год. Бивни вывозили через Кяхту в Китай и через Москву в Англию, где они конкурировали со слоновой костью [41]. В первой половине XIX в. П. А. Словцов отмечал, что промысел мамонтовой кости "... для поморских жителей истинный, а не сказочный клад, потому что за иные мамонтовы клыки платят до 400 р." [42].

Таким образом, круг объектов собирательных промыслов русского крестьянства Западной Сибири в означенный период был чрезвычайно широк: пищевые, лекарственные и технические растения, минералы, ископаемая кость. Они подвергались глубокой переработке, особенно в народной медицине, здесь же шел наиболее активный поиск новых средств. Объекты собирательства находили применение не только в индивидуальном крестьянском хозяйстве, но и поступали на рынок. Все это свидетельствует о высокой степени адаптации русского крестьянства к природным условиям региона. Объемы и предпочтения в собирательстве диктовались географическими условиями отдельных местностей, социальной обстановкой, требованиями рынка и экологическими (популяционными) закономерностями.

ЛИТЕРАТУРА

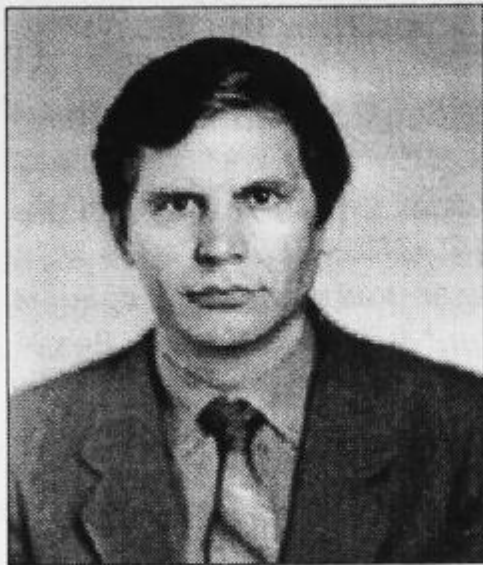
1. Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1991; Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989.
2. Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. М., 1965. С. 142.
3. Темплинг В. Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социо-культурный аспект). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. и. н. Екатеринбург, 1996. С. 15.
4. Паллас П.С. Путешествие по различным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Академии Наук. Ч. II. Кн. 2. СПб., 1786. С. 25-26.
5. РГАДА. Ф. 16 Оп. 1. Д. 361. Л. 19.
6. Городцов П. А. Сибирская язва // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Вып. 1. Тюмень, 1924. С. 77-99.

7. Миненко Н. А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986. С. 47-50; Островская Л.В. Мировоззренческие аспекты народной медицины крестьянского населения Сибири второй половины XIX века // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – нач. XX века. Новосибирск, 1975. С. 132; Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. II. СПб., 1891. С. 147-148.
8. Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования... С. 50.
9. РГАДА. Там же. Л. 42.
10. Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. III. Отд. IV. СПб., 1862. С. 37.
11. Этцель А., Вагнер Г. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. А. Аткинсона, А. Т. Фон-Миддендорфа, Г. Редде и др. СПб., 1865. С. 27.
12. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч. II. Экономика и положение крестьян. Челябинск, 1969. С. 68; Скалозубов Н. Отчет о работах по борьбе с кобылкой в 1895 г. в Тобольской губернии // Ежегодник Императорского губернского Тобольского музея. Вып. 8. Тобольск, 1902. С. 12.
13. ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 38. Л. 14.
14. Гуляев Г. Указ. соч. С. 14.
15. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 70.
16. Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2. (Томская губерния). М., 1865. С. 22.
17. Там же. Т. 1. С. 106; Т. 2. С. 81.
18. Самсонов В. Сибирь как источник продовольствия. Омск, 1920. С. 19.
19. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 78.
20. Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата в России в 1851 году. СПб., 1854. Стб. № 116.
21. Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб., 1892. С. 34.
22. Черепнин В. Л. Пищевые растения Сибири. Новосибирск, 1987. С. 6-7.
23. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 70-71.
24. Колмогоров Г. Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. Ч. 16. От. 3. С. 41-42.
25. Паллас П. С. Указ. соч. С. 216.
26. Мевес И. Три года в Сибири и Амурской стороне // Отечественные записки. 1863. Т. 148. № 5. От. 1. С. 252.
27. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 208, 378-379.
28. Липинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (18-20 вв.) М., 1987. С. 174.
29. Эйрие Ж. Б. Живописное путешествие по Азии. М., 1839. Т. I. С. 253.
30. Потанин Г. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 9. С. 70-71.
31. Успенский Г. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. С. 22-23.
32. Миненко Н.А. Экологические знания... С. 84.
33. ТФ ГАТО. Там же. Л. 8.
34. Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях по исследованию чиновников Министерства государственных имуществ. СПб., 1894. С. 278-286; Кауфман А. А. Указ. соч. С. 15-29.
35. Кауфман А. А. Указ. соч. С. 26.
36. Там же. С. 29-32, 34.
37. Татищев В. Н. Сибирские сказания о звере мамонте // Татищев В. Н. Избр. произв. Л., 1979. С. 43.
38. Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг (его работы по исследованию Сибири). М.-Л., 1966. С. 82.
39. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Персию, в Дербент и Константинополь. Ч. 2. СПб., 1816. С. 223-225.

40. Татищев В. Н. Указ. соч. С. 36.
 41. Чикачев А. Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990. С. 42.
 42. Слобцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 306.

**ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
 МОСКОВКИН —**

*докторант кафедры всеобщей истории
 Уральского госуниверситета,
 кандидат исторических наук*

УДК 947.084.31.

**ПРОТИБОБОРСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ
 НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
 В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
 (май - ноябрь 1918 г.)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов истории борьбы большевиков и белогвардейцев за влияние на широкие слои населения Урала и Западной Сибири в начальный период Гражданской войны.

The article is devoted to discussion of actual questions of the history of bolsheviks and White Guards fight for having influence upon various strata of society of the Urals and the Western Siberia at the beginning of the Civil War.

Советская историография крайне односторонне исследовала противоборство политических сил в период Гражданской войны. В первую очередь труды историков посвящались изучению деятельности партии большевиков по привлечению на свою сторону рабочих и крестьян. В рамках этой традиции лагерь белогвардейцев рассматривался только как реакционный, не отражавший коренных интересов народа и поэтому объективно обреченный на поражение. Выводы в этих работах были заранее predetermined. Однако ясно, что противоборство красных и белых не столь однозначно. Мы попытались как можно более объективно рассмотреть этот процесс на примере Урала и Западной Сибири с учетом влияния на него политических настроений широких слоев населения.

Октябрьский переворот 1917 г. до крайности обострил политическое положение в России. Большинство партий и общественных организаций осудило вооруженный захват власти и заявило о необходимости передать власть Учредительному собранию. Дальнейшие события показали, что большевики никому не отдадут завоеванные позиции мирным путем. Преследование политических оппонентов, разгон всенародно избранного Учредительного собрания, заключение позорного Брестского мира, социально-